

Константин Бальмонт

ВОЗДУШНЫЙ ПУТЬ

РАССКАЗЫ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б21

Бальмонт, К.

Б21 Воздушный путь / К. Бальмонт. — М. : T8RUGRAM. — 154 с.
— (Модное чтение).

ISBN 978-5-519-63293-5

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) — русский поэт Серебряного века, переводчик и эссеист, один из виднейших представителей русского символизма, получивший всероссийскую и мировую известность.

«Воздушный путь» — запоминающийся сборник интересных рассказов, написанный автором в эмиграции и изданный в 1923 году во Франции, наполнен переживаниями автора и тоской по Родине. Читателю предоставляется уникальная возможность познакомиться с малоизвестной прозой великого поэта и посмотреть на мир глазами классика Серебряного века.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

Тринадцатое марта	5
Ревность	33
Ливерпуль	49
Простота	67
Васенька	73
На волчьей шубе	83
Солнечное дитя	93
Дети	99
Почему идет снег	107
Лунная гостья	117
Белая невеста	125

ТРИНАДЦАТОЕ МАРТА

*Что, Ваня, не бел, не румян,
Где, Ваня, румянец потерял?
Али на дорожке обронил?
Али красной девке подарил?*

Народная песня

Так больше продолжаться не могло. Лучше что бы то ни было, лишь бы не это. Последняя степень падения и немощи. Лучше смерть. И смерть желанна. Я ждал избавления от каждого дня и каждого часа, но оно не приходило. Я ждал какой-то вести, какого-то прихода. Думал, что вот дверь откроется, и мои терзания окончатся. Ничего, никого. Ничего.

И откуда ждать избавления, когда боль и ужас внутри?

Мелитта подошла ко мне.

— У тебя опять болит голова?

— Да, опять.

— Что же нам делать? Это никогда не кончится.

Она говорила с болью, и эта боль была обо мне. А я тайком переводил: если это не кончится, нужно это кончить.

Конечно, нужно. Жизнь меня толкала к решению. Каждый человек, который проходил по коридору этой гостиницы, каждый человек, который шел по улице, знал, куда он идет и зачем. Он делал свое дело, а я ничего не мог делать. Уж много месяцев, как я утратил спо-

способность работать. Да и что работать? Разве чтение книг работа? И если б я мог читать. Но от прочтения двух страниц, иногда от прочтения нескольких строк у меня начиналась головная боль, паутина облекала мозг, я бессильно начинал в пятый раз длинную фразу, приходил в испуг на середине ее, начинал думать об одном каком-то ее слове, снова возвращался к началу фразы и никак не мог дочитать ее до конца. Постепенно в левом виске боль становилась сильнее, и все предметы, находившиеся на столе, затеивали со мной тайную войну. Я не мог не смотреть на чернильницу и не думать, что чернил там мало и что они покрылись пылью. Но ни за что бы я не мог подойти к окну, на котором стоял пузырек с чернилами, и налить в чернильницу свежих чернил. У карандаша один конец был тупой, а другой обгрызанный. Почему обгрызанный? И кто опять положил все эти книги вверх ногами? Я не могу ни читать, ни писать, если книги лежат на столе в беспорядке. И потом мы встали поздно. Через полтора часа нужно идти обедать. Что же можно сделать в полтора часа, когда мучительно прочесть одну страницу? А за стенами опять гаммы, и скрипач никогда не перестанет играть. «Неврастения, голубчик, неврастения», — говорил мне врач и велел ежедневно приходиться в свое водолечебное заведение. Но я напрасно ходил два месяца. Мне это не помогло, напротив, сделалось хуже. И я бросил лечение. Да и денег на это не было. Я уже чувствовал, кроме того, что мне помочь нельзя ничем. Глухо, но убедительно я ощущал то же самое, что чувствует зверь в лесу, которого облава окружила

кольцом. Облава еще далеко, но зверь знает, что кольцо неизбежно суживается. Я перестал даже для себя определять те или иные ощущения точными словами. Каждая вещь говорила со мной безгласно, и я бессловесно говорил со всем, что было кругом. Душа обменивалась со всеми вещами — тайными знаками, но ото всего исходили одни лишь уничтожающие указания.

— Что ж, пойдем обедать, — сказала Мелитта.

Мы вышли на улицу.

В тот год была ранняя весна. Зимние метели выплакались до конца еще в феврале, а теперь уж было начало марта. Снег стаял. Было солнечно.

Мы шли, и каждая металлическая тумба неудержимо привлекала мое внимание. Мне казалось, что, если с разбега удариться об нее грудью, грудь проломишь и смерть будет мгновенной. Рассудок сейчас же начинал противоречить, и говорил, что это невозможно. Но уже следующая тумба притягивала взгляд, и казалось, что это чрезвычайно желанно — разбежаться и изо всей силы удариться грудью о металлический выступ.

Мы зашли в какой-то пассаж. Мелитта вошла в магазин что-то купить. Я остался снаружи. И пока она там была, я понял с неотступностью, что, если она не вернется, тогда я могу еще жить и ждать, что, быть может, время вернет мне прежнюю ясность мысли и я буду снова читать любимые книги, готовиться к будущему, ибо я чувствовал, что во мне целый мир образов. Я чувствовал, что или я, или она. Почему? Я не мог бы объяснить себе. Она меня любила, и я ее любил. Но с тех пор как мы поженились, что-то налегло на меня

проклятием, все ясное стало запутанным, все ранее возможное стало невозможным. И эта неспособность работать, которую один я мог бы кое-как переносить, теперь оттого, что я был с ней, была совершенно нестерпима.

Прошли какие-то минуты. Немногие — и бесконечные. Напряженные, длительные. Я смотрел с суеверным чувством на дверь магазина и ждал. Моя судьба решалась. Я что-то должен сделать. Или она, или я. Дверь магазина открылась, и Мелитта вышла оттуда. Она молчала, глаза ее были опущены, красивое лицо ее было бледно. Что-то печальное и упрямое делало выражение ее лица застывшим.

Как я любил это лицо. Оно было боттичеллиевское, и одевалась она, словно одна из женщин Боттичелли. А это было давно, когда в России еще не знали Боттичелли и не говорили о нем. Не знал его и я, несведущий провинциал и не кончивший студент. Большие серые глаза, с продольным разрезом, белый выпуклый лоб, светлые вьющиеся волосы, узорные красные губы. Как целовали и как любили они целоваться, эти узорные губы. И после поцелуя оставляли в сердце грусть. Мы женились против воли моих родителей, и теперь я был с ними в ссоре. Я был в размолвке и с большею частью своих товарищей после женитьбы на ней. Она смеялась метко и уничтожающе над нашими революционными замыслами, и я постепенно отдалился от кружка, к которому раньше принадлежал. Сверстники мои, хранители народовольческих реликвий, как она их называла, считали меня чуть ли не изменником или вовсе

изменником. Ведь я как раз тогда еще начал писать стихи и напечатал целую книгу их, и в них совсем-совсем не было никаких общественных тенденций. Мои товарищи радовались, что книга не имела ни малейшего успеха, и видели в этом достойную кару моего отступничества.

Мне остались верны только двое: Петька, сын кузнеца, студент-медик, мой земляк, и мефистофелевская натура, студент-юрист Фомушка, сибиряк, издававший на своем недолгом веку много людей прижимистых и потому вдвойне всегда растроганный на мою наивность и нерасчетливость. А я был, правда, робкий и мечтательный, и многое для меня было невозможным, что возможно теперь. В эти два дня, 12 и 13 марта, я видел их обоих, и они странно вплелись в повесть моей жизни.

Когда после обеда я вернулся с Мелиттой домой, мы бродили по коридору, и она как ребенок обрадовалась на только что выставленное там окно. Большое окно, которым кончался длинный коридор наш, в третьем этаже, выходило на гостиничный мощный двор, а напротив был другой корпус гостиницы. Мы подошли, обнявшись, к окну и долго смотрели вниз. В мой мозг туманными наслоениями вошла какая-то бесформенная мысль, и все — я у окна, противоположное здание, и этот двор там, внизу, — все слилось в одну неопределимую цельность. Я не говорил ни слова и не сделал никакого движения, пока мы так стояли у окна. Но души ведь слышат друг друга — или это была простая случайность? Мелитта сказала: «Вот высоко, а если бро-

ситься, все равно не убьешь себя, только изуродуешься». Я ничего не ответил. Я даже удивился, и во мне бессильно шевельнулось: «Какое это отношение имеет ко мне?»

Мы вернулись в нашу комнату. На минутку забежал Фомушка и занес только что появившуюся «Крейцерову сонату». Она ходила тогда по рукам гектографированной. «До завтра, — сказал он. — Утром зайду. Прочтите. Да только не поссорьтесь». Он усмехнулся своей обычной насмешливой улыбкой, высокая его фигура качнулась, и он ушел.

Мы поссорились. Не в первый раз. Потому что Мелитта была ревнива, и, хотя я не давал поводов к ревности, она ревновала меня к прошлому и между нами возникали мучительные сцены. Я был наивен, и год тому назад, когда мы только что повенчались, в первую же ночь я ей рассказал, что я любил когда-то одну польскую девушку, служанку, и она меня любила, и это была моя первая любовь. Она молчала, пока я рассказывал, и, увлеченный воспоминанием, я говорил и говорил, думая, что она слушает меня так же вольно и радостно, как я говорил, думал, что она участвует мыслью в моем далеком юношеском сновидении. Она же, выслушав, сказала мне такие слова, такие слова, такие оскорбительные слова, каких я тогда еще не знал. Это была первая наша ссора, и я понял еще тогда, что случилось что-то непоправимое, что я связал свою жизнь с той, кого я не знал, что я не должен был этого делать, что я вступил в запутанность, на дорогу рабства, которая приведет неизбежно к чему-то темному. Одна фра-